

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
Факультет политических наук
Кафедра религиоведения и теологии
Лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
Музей археологии и этнографии Сибири

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК IV

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2010

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
канд. ист. наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
докт. ист. наук **Л.Н. Ермоленко**; докт. культурологии **Л.С. Марсадолов**;
канд. ист. наук **Ю.И. Ожередов**; докт. ист. наук **Т.Д. Скрынникова**;
докт. филос. наук **О.М. Хомушко**; докт. ист. наук **Л.И. Шерстова**;
докт. ист. наук **С.А. Яценко**

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Азбука, 2010. – Вып. IV. – 376 с.
ISBN 978-5-93957-433-4

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/G, тема «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая») и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 2010-1.1-303-124-031 «Культурный капитал как условие и фактор инновационного развития Западной Сибири»)

ISBN 978-5-93957-433-4

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	
<i>Вертиенко А.В.</i> К проблеме семантики горита и стрел в представлениях ираноязычных номадов Евразии	8
<i>Коников Б.А.</i> Конь в культуре и искусстве средневекового населения Омского Прииртышья, Южной Сибири и Казахстана: общее и особенное	24
<i>Марсадолова Т.Л.</i> Художественный образ ангела: от первобытности к средневековью	39
<i>Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч.</i> Археологический комплекс на перевале Давдаг-кутул в Западной Монголии	54
<i>Серегин Н.Н.</i> К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры)	78
<i>Сериков Ю.Б.</i> Человеческие жертвоприношения на культовых памятниках Урала	83
<i>Симонова И.Л.</i> «Когда на небе светили три солнца». (опыт реконструкции мифологического сюжета)	102
<i>Суразаков А.С.</i> Образы прародительниц в петроглифах Куюса ..	110
<i>Татаурова Л.В., Кромм И.Д.</i> Ставрографические материалы как источник по изучению культового медного литья у русских и христианизация аборигенов Сибири	115
<i>Ярков А.П.</i> К вопросу о месте ислама в Южной Сибири в раннее средневековье	126
II. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
<i>Амоголонова Д.Д.</i> Возвращение Хамбо Ламы Итигэлова в контексте бурятского этнокультурного возрождения	140
<i>Бурнаков В.А.</i> К вопросу о культе орла у хакасов	153
<i>Головизнин М.В.</i> «Нарышкинские» храмовые постройки Татарстана. Булгарско-среднеазиатский след?	164
<i>Дашковский П.К., Цэдэв Н., Шершнева Е.А.</i> Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии	180
<i>Жуков А.В.</i> Этнические, гражданские и конфессиональные предпочтения агинских бурят	187
<i>Немых А.П.</i> Ритуальная грация киргизского прикладного творчества	196
<i>Николаева Д.А.</i> Архаические воззрения бурят конца XIX – начала XX в. на женское шаманство	203

<i>Осмонова Н.И.</i> Имя как миф и символ человека традиционного общества кочевников	215
<i>Останин В.В.</i> Естественные памятники ведической цивилизации на Алтае	222
<i>Прохорова Н.А.</i> Культовые сооружения как памятники материальной культуры кыргызского народа	231
<i>Рахно К.Ю.</i> Теппоральные структуры в украинских мифологических сюжетах о гончарах (особенности архаического восприятия праздничного времени)	240
<i>Сивцев И.С.</i> Праздник Ысыах в традиционной культуре народа Саха	250
<i>Сивцева С.И.</i> Некоторые черты шаманской мифологии	255
<i>Шершнев Е.А.</i> Взаимоотношение мусульман с Русской православной церковью в XIX в. на Алтае.....	264
<i>Шкурко Н.С.</i> Влияние этноконфессионального фактора на политические процессы в регионе (на примере Республики Саха (Я))	273

III. ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДОВ В ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

<i>Бакиров А.А.</i> Вооружение и военная тактика киргизских воинов (на примере героического эпоса «Манас»).....	290
<i>Гуцуляк О.Б.</i> Развитие евразийского мифологического образа гер/Кер Кер-оглы – сына могилы и правителя страны Чамбули Мастоу	297
<i>Егорочкин М.В.</i> Погребальное исполнение героического эпоса у тюрков Южной Сибири.....	315
<i>Кожобекова А.Ш.</i> Специфика пространственно-временного мифоэпического контекста пути у киргизских номадов (на материале малого кыргызского эпоса «Кожожаш»)	325
<i>Конунов А.А.</i> Отражение культа гор в алтайских героических сказаниях	335
<i>Новрузова Н.С.</i> Миссия имянаречения в эпическом памятнике огузских тюрков «Деде Коргуд»	341
<i>Нургалиева А.Б.</i> Демонические существа в мифологической прозе	348
<i>Русакова М.В.</i> Взаимосвязи древнеиранской мифологии и фольклора восточных славян	353
<i>Эшимбекова Н.С.</i> Мифопоэтическая традиция кыргызов	361
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	369
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	370

Е.А. Шершнева

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ МУСУЛЬМАН С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ В XIX в. НА АЛТАЕ*

В России, как в полинациональном и поликонфессиональном государстве, всегда очень остро стоял вопрос межконфессионального взаимодействия. В состав Российского государства, являющегося по своей сути православным, входили территории Поволжья, Кавказа, Сибири, где проживало население, исповедующее ислам. С включением в состав Российской империи новых земель встал вопрос отношения государственной власти к находящимся на этих территориях конфессиям, который остается актуален и на сегодняшний день. Кроме этого, встает проблема взаимодействия внутри одной страны мировых религий, так как главной их задачей является не только сохранение, но и распространение своей веры (миссионерская деятельность).

В XIX в. политика Российской империи в отношении ислама становится сложной и противоречивой. Взаимодействие между исламом и государством в период с середины XIX в. и до 1917 г. можно охарактеризовать как «цивилизационного» или скрытого отрицания ислама, носившего идеологический характер. Магометанская вера рассматривалась правительством в большей мере как угроза самодержавной власти, а не как чужеродное православному государству вероисповедание. Такое отношение было вызвано в первую очередь Крымской войной, которая привела к недовольству со стороны мусульманского населения и массовому возвращению новокрещенных мусульман в свою родную веру. Политика империи тем не менее не предполагала насильственного искоренения ислама как религии (Алексеев И.Л., 2002, с. 34). Тем более, что по материалам переписи 1897 г. мусульмане являлись второй по численности после православных вероисповеданий группой населения (Ибрагимова З.Х., 2006). Правительство стремилось к идее централизации контроля над конфессиями, которая была реализована в на-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая»).

чале XIX в. с учреждением Управления делами инородцев, преобразованное впоследствии в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, вошедший в Министерство внутренних дел. В 1857 г. был принят «Устав духовных дел иностранных исповеданий», специальный раздел которого посвящался мусульманам (Арапов Д.Ю., 2001, с. 20). Открытие муфтиятов в Российском государстве дало определенную свободу мусульманам, однако многие российские деятели считали это решение серьезной государственной ошибкой. Полная же либерализация политики в отношении ислама исключалась, так как с 70-х гг. XIX в. правительство стало опасаться «татаро-мусульманского сепаратизма», который во второй половине XIX в. начинает набирать обороты. Для сохранения стабильности внутри государства делается ставка на привлечение духовенства, а также верхушку мусульманской общины на свою сторону. Однако и в армии, и на государственной службе мусульмане могли подняться по иерархической лестнице только до определенного уровня. Начиная с 80-х гг. XIX в. отношение к исламу в Российской империи становится более жестким, принимается ряд мер, ущемляющих свободу духовно-религиозной жизни. Были введены ограничения на создание просветительских обществ, совершение паломничеств в Мекку (Султангалиева А., 2007, с. 14). Последние два десятилетия XIX в. характеризуются охранительной политикой «православного консерватизма» и попытками наступления на права неправославного населения со стороны государства.

Подобные процессы можно наблюдать на примере Западной Сибири – как строились отношения между двумя мировыми религиями (ислам и христианство) и как осуществлялась религиозная политика государства. С момента включения в состав Российского государства Сибирского ханства начинается тесное взаимодействие двух конфессий – ислама и православия, усилившееся в XIX в., когда на территории Западной Сибири активизировала свою деятельность Русская православная церковь (РПЦ), создав Алтайскую духовную миссию (АДМ), для ведения активной миссионерской политики среди инородческого населения российских окраин, основную массу которого составляло магометанское население. Например, по данным Н.М. Ядринцева (2000, с. 219) из 142191 инородца Тобольской и Томской губерний исповедующие магометанскую веру составляли 126126 человек.

Отношение к исламу в Российском государстве определялось социально-экономическими и геополитическими реалиями, соответственно оно неоднократно менялось в зависимости от характера отношений с народами центрально-азиатского региона. На протяжении всей истории ислам представлялся дестабилизирующим фактором власти Российского государства. Для обеспечения своей безопасности правительство осуществляло русификаторскую политику, способствовало разжиганию религиозной и этнической розни, старалось препятствовать взаимодействию между собой различных групп магометанского населения (Томилов Н.А., 1993, с. 95). Церковь в России, как часть государственного организма, взяла на себя задачу по унификации инородческого населения и приведения его к единой государственной вере. В дореволюционной России касательно вопроса внутренней религиозной политики «утверждался принцип веротерпимости при твердом господстве православного вероисповедания» (Поплавская Х.В., 1995, с. 101). Несмотря на активную поддержку со стороны государства, православная церковь чувствовала себя не очень уверенно на инородческой территории. Зато ислам, приобретая значение этноформирующего фактора уже к началу XIX в., занимал ведущее значение среди населения Южной Сибири. Это привело к пресечению активной русификаторской политики правительства. Немаловажную роль в процессе пресечения активной христианизации мусульманского населения сыграли политические ссыльные (мусульмане) из европейской части России (Шерстова Л.И., 2005, с. 124).

К середине XIX в. отношения между исламом и православием в Западной Сибири встают на новый этап своего развития, правительство, а вместе с ним и церковь проявляют новые тенденции национальной и религиозной политики. Однако идеи создания государства с единой религией и с «размытыми» национальными признаками не покидают ни правительство, ни деятелей церкви. В это период начинается вестись в первую очередь теоретическая разработка миссионерской программы. Деятельность церкви по прежнему продолжает активно поддерживаться правительством. Так, в 1856 г. российские власти пытались нейтрализовать усиление ислама вдоль казачьих линий на территории пограничных регионов, а до этого, еще в 1844–1848 гг., в долине р. Черги было основано Черно-Ануйское отделение АДМ, которому было суждено стать основой противомусульманского центра. В 1882 г. Синодом

было разрешено открыть Киргизскую миссию, которая входила в состав АДМ. Деятельность этой миссии также была направлена на борьбу с распространением ислама в степи (Октябрьская И.В., 2002). Алтайская духовая миссия всецело препятствовала расширению сферы влияния ислама. Однако до последней трети XIX в. активная миссионерская деятельность не велась среди кочевого казахского населения, и лишь экономический кризис и разорение казахов Младшего жуза подтолкнули казахское население к принятию православия, так как это давало определенные льготы. Все же не следует считать, что крещение в магометанской среде носило массовый характер. Даже экономические проблемы не могли привести к отступлению мусульман, в большом количестве, от «веры отцов». В основном обращались в православие представители низших слоев. По данным Н.М. Ядринцева (2000, с. 231), с 1860 по 1869 г. из 40000 магометанского населения Тобольской губернии было крещено только 300 человек, за последующие пять лет число новообращенных в православие составило всего 58 человек.

Но и принявшие христианство мусульмане остаются верны своим традициям и обычаям. Правительство призывало духовенство быть менее строгими к инородческому населению, в силу того, что несоблюдение церковных правил может быть вызвано условиями жизни, а священнослужители должны были увещевать, а не наказывать невежественных и упорных. Постепенно в миссионерской среде сложилось убеждение о необходимости подготовки кадров для работы в миссии из местного населения. Миссионеры понимают, что проповедь необходимо вести на родном языке, поэтому в конце XIX в. в Тобольске было создано отделение библейского общества, которое проповедовало Евангелие среди татар и казахов. Однако все эти меры не дали желаемого результата и не привели к массовому переходу из ислама в христианство. Так, по отчетам губернатора за девять лет (с 1860 по 1869 г.) был крещен 331 человек (Файзрахманов Г.Л., 2002, с. 369).

Магометане очень ревностно относятся к своей религии, и отношение к предавшим ее было крайне враждебно. Зачастую оно не ограничивается только моральным осуждением, а доходит до избиения, а в некоторых случаях и до убийства новокрещенных. Например, миссионер Е. Елисеев сообщает об убийстве в Зайсане новокрещенного казаха фанатиком-татарином (Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х., 1997, с. 123). Немало сведений содержится в запис-

ках миссионеров об отношении магометан к своим родственникам принявшим православие. Так, мать, узнавшая, что ее дочь приняла православие, была огорчена настолько, что до крови исцарапала себе лицо. Были известны также случаи воровства новокрещенных и возвращение их в свои семьи, особенно это касалось женщин и детей (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 14). Мужья похищали своих жен, даже уже принявших христианство. Зачастую эти похищения имели вид разбойничьих нападений.

Такое отношение со стороны общины приводит к тому, что новокрещенное магометанское население охраняется со стороны правительства и РПЦ, исламским миссионерам запрещается проповедовать среди новообращенных, по возможности принявших православие магометан стараются селить среди русского православного населения (Гарифуллин И., 2004, с. 504). Мусульман, ведущих проповедническую деятельность среди своих соплеменников, отдают под суд. Примером этого может служить случай, изложенный в рапорте Алтайскому Горному правлению священником Змеиногорской Преображенской церкви, о том, что некий татарин Мухамет Закир Файзов бранит новокрещенных киргизцев и призывает их оставить православие и вернуться назад в магометанскую веру. Уговаривает бежать в Киргизскую степь, при этом вызывается проводить их туда и все расходы берет на себя. В итоге данный татарин был взят под стражу и отдан под суд (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 3-в).

Проблему отказа от родной, магометане видели в активной деятельности миссионеров, что вызывало у них враждебное отношение к миссии, о чем можно судить по миссионерской переписке. Так, обращенный в магометанство телеут Курма Черин настраивал новокрещенных против Миссии и христианства, с целью расстроить ее дела (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 4). К тому же не следует забывать, что деятельность миссии невозможно отделить от русификаторской политики государства, поэтому мусульмане всеми силами и противились слиянию с русским населением, поскольку именно ислам воспринимался ими как этнический признак. На это указывает и приговор Туражской инородной управы в 1891 г.: «Если нас приписать к русской волости... то легко могут происходить между нами – магометанами – и христианами общие неудовольствия от того только, что мы два народа, хотя и находимся во взаимном друг с другом уважении, но чужды верою, языком и образом жизни» (Шерстова Л.И., 2005, с. 75).

Особенно сложной была конфессиональная ситуация в пограничной зоне, поэтому политический фактор играл здесь едва ли не первостепенную роль в развитии православного прозелитизма среди кочевников. Именно антиисламская составляющая обозначалась как приоритетное направление в деятельности Алтайской духовной миссии, и чем крупнее становилось казахское сообщество на Алтае, тем деятельность миссии усиливалась в этом направлении (Октябрьская И.В., 2005, с. 82).

Основной деятельностью священников-миссионеров было странствие по инородческим поселениям, где зачастую устраивались диспуты с мусульманскими проповедниками, которые посещали Алтай, останавливаясь у исповедующих магометанскую веру (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 2. Д.2. Л. 95об.). Миссионерам иногда доводилось побеседовать с муллой. Об одном из таких разговоров священник Иоанн Никольский упоминает в своих записках за 1891 г. Мулла достаточно охотно шел на контакт, рассказывая о своей образовательной деятельности среди магометанского населения. Как только разговор зашел о вере, он тотчас же поменялся в лице, стал озлобленным, старался отговариваться незнанием или ссылаться на незначительные мелочи. Единственным его утверждением было – «в какой вере человек родился, в такой и должен умереть». В итоге мулла перестал отвечать на любые вопросы, пытаясь заглушить речь миссионера криками (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 47. Л. 15).

Деятельность миссионеров зачастую была неумелой и только озлобляла инородческие племена. Так, обратив незначительную часть инородцев в православие, миссионеры начинают политику гонения на остальное население. Не раз случалось, что именно миссионеры провоцировали магометанское население на конфликты и вызывали у них враждебные к себе чувства, называя их потом фанатиками. Например, однажды миссионер Большенарымского стана пригласил к себе в дом татарина под предлогом оценить чистоту переведенных книг на киргизский и татарский языки. Показывая ему книги нравственного содержания и зачитывая отрывки из них, незаметно для гостя он подложил брошюру «Христианская вера в сравнении с мухамедовою – лучше». Тот просто позеленел от злости и выбежал вон. Миссионер сказал: «Вот она, татарщина» (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 48).

Как только магометанам миссионеры задавали вопросы, касающиеся веры, они тут же менялись в лице и смотрели на них взглядом, полным ненависти. Один татарин на вопрос о вере отве-

тил: «Самый проклятый тот человек, который переменяет веру свою: он ни собака, ни еврей, ни магометанин, ни русский. И я никогда не соглашусь переменить веру свою, потому что во всю свою жизнь на белом свете, сколько вер я не видел, ни одной лучше, чище и опрятнее магометанской не нашел. А ваша вера самая грязная, и грязнее веры я не видел» (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 47. Л. 15об.). Такое высказывание только подтверждает, что миссионеры проповедовали неумело, ведь проявляющее не раз добродушие и гостеприимство по отношению даже к миссионерам, татарское население становилось нетерпимым и фанатичным, как только затрагивались вопросы веры.

Однако и казахи, отличающиеся, по мнению В.В. Радлова, меньшей фанатичностью, чем татары, приводят миссионера Е. Елисеева к совершенно другому мнению, который на своем личном опыте убедился, что «казахи зачастую проявляют такую же слепую преданность исламу, как фанатики-татары, и поэтому оглашение киргизских степей истинами веры христианской нередко требует от миссионера-проповедника неимоверных усилий» (Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х., 1997, с. 122). В записках миссионера Большена-рымского стана Киргизской миссии за 1891 г. о фанатичности мусульман говорится следующее: «Мусульманству преданы киргизы настолько, насколько может быть предан человек своей вере, фанатизма в них вовсе нет. По свойствам характера киргизы фанатиками быть не могут, и это счастье наше! Именно киргизы не имеют этих свойств характера, которые питают и разогревают фанатизм: нет в них характерной стойкости и религиозности, которыми отличаются татары, турки и прочие фанатические мусульмане. Впрочем, ислам способен перевоспитать и киргизов, если только допустить его в степь во всей силе» (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 48. Л. 11). К тому же, по мнению миссионеров, инородцы были крайне мало знакомы с магометанской верой. Даже обрядовая сторона им мало известна (ЦХАФ АК Ф.164. Оп. 1. Д. 13).

По мнению Н.М. Ядринцева, посетившего Алтай в 1878 и 1880 гг., поддержка со стороны правительства зачастую порождала в самой миссионерской среде религиозный фанатизм, заглушая желание донести знание до инородцев и наладить их быт. Русское население не улучшало, а напротив больше пагубно действует на быт калмыков и черных татар, все более вторгаясь на Алтай. Захват земли русским населением приводит к голоду в среде алтайских инородцев (Ядринцев Н.М., 2003, с. 143). В 1878 г. в Барнаульском

округе русскими крестьянами и казаками в районе оз. Песчаного были присвоены в округе все земли, они сдавали киргизам (казахам) эти земли и продавали траву для скота (ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 545).

После враждебного отношения со стороны церкви и правительства по отношению к магометанского населению сложно ждать от него в ответ благосклонность, и неудивительно, что среди городского татарского населения получила распространение литература антирусского содержания, в которой оплакивалась зависимость татар от Российского государства и восхвалялись мусульманские народы. В этих рукописных тетрадах умолялось значение русского народа и высказывалась надежда на торжество магометан над неверными. Песни такого содержания поются учениками в школах и дома, передаются из поколения в поколение. Также при проверке были обнаружены константинопольские печатные издания, в которых излагались мысли враждебного содержания к русскому народу и государственному начальству (ЦХАФ АК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 41).

Рассматривая политику РПЦ в Западной Сибири и в особенности на Алтае, можно заключить, что именно неумелые действия представителей церкви способны воспитать в мусульманской среде религиозный фанатизм и сопротивление правительству. Однако, несмотря на активную проповедническую деятельность Русской православной церкви, количество мусульман, принявших православие, было незначительным. Неверно также утверждение, что инородцы, исповедующие ислам, слабо в нем разбирались, что им была в основном известна только обрядовая сторона этой религии. Мусульманское население, проживающее на территории Алтая, было более образованно, чем православное, а вследствие того, что образование велось муллами и муатзинами, то с вопросами веры население было знакомо не хуже, чем с обрядовой стороной. Прекращение финансирования миссии со стороны правительства к началу XX в. и отмена льгот поставили православие на Алтае в один ряд с исламом, приостановив активную деятельность со стороны православной церкви, а также позволили сохранить инородческому населению религиозное наследие.

Библиографический список

Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. // Религиоведение. 2002. №2.

Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика). М., 2001.

Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М., 1997.

Ибрагимова З.Х. Ислам и христианство на Северном Кавказе: история взаимоотношений // Религия и право. 2006. №1–2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sclj.ru/news/detail>

Гарифуллин И. К вопросу о христианизации сибирских татар // Проблемы истории Казани: современный взгляд: сб. ст. Казань, 2004.

Октябрьская И.В. Ислам и православие на Алтае. История и специфика диалога // Сибирь на перекрестке мировых религий: мат. межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2002.

Октябрьская И.В. Крещенные казахи Алтая. Конфессиональный фактор в этнической истории XIX–XX вв. // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005.

Поплавская Х.В. К вопросу о православном миссионерстве на Алтае (30–60-е гг. XIX в.) // Этнографическое обозрение. 1995. №5.

Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // Воронежский тюркологический сборник. Воронеж, 2007. Вып. 7.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993.

Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002.

ЦФАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 13, 14 (Записки миссионера Киргизской духовной миссии священника Филарета Синьковского. 1886 г.).

ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 47 (Записки миссионера Киргизской миссии Домонского стана, священника Иоанна Никольского за 1891 г.).

ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 48 (Записки миссионера Большена-рымского стана Киргизской миссии за 1891 г.).

ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1 Д. 3-в (Постановление Алтайского Горного правления по рапорту Змеиногорской горной конторы о нарушении татарина Файзова правил вероисповедания).

ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 4 (Следственная переписка по жалобе калмыка Комдана Чайнина о насильственном крещении 1859 г.).

ЦХАФ АК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 41 (Переписка с Бийским окружным исправником о подготовительных мероприятиях по борьбе с сельскохозяйственными вредителями, о распространении среди татар антирусской литературы).

ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 545 (Жалоба инородцев с. Чемал на притеснения со стороны АДМ. Сведения о количестве непричисленных переселенцев из центральных губерний в селенья Алтайского горного округа. Дело о допуске киргизов на заводские земли).

ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Ф. 43 (Сведения о природе и населении Кебезенского отделения Алтайской духовной миссии. Данные по программе Общества любителей исследования Алтая. Историко-этнические сведения об инородцах Горного Алтая).

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005.

Шерстова Л.И. «Новые» этносы и «новые» религии: к проблеме генезиса этнического самосознания (на материалах тюркских сообществ Западной Сибири XIX–XX вв.) // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005.

Ядринцев Н.М. Сочинения: в 2 т. // Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000. Т. 2.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003.

Н.С. Шкурко

*Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова, г. Якутск*

ВЛИЯНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ (на примере Республики Саха (Якутия))

Феномен «11 сентября», раскол Сербии, положение на Северном Кавказе и прилегающих территориях убедительно доказывают, что протекающие в религиозной сфере процессы способны существенно менять политическую обстановку в государствах, на уровне регионов, самоидентификацию социальных групп и целых народов. Этноконфессиональный фактор при существующем росте этноконфессиональных конфликтов и религиозного терроризма обретает особую значимость как инструментальная ценность, которую следует учитывать властям и обществу для реализации социально значимых целей.

Роль религиозного фактора в расширении геополитического пространства государств и империй исследуется в классических трудах западных (У. Бек, Л. Вольтам, А. Мэхэн, П. Хам, С. Хантингтон, К. Хаусхоффера, Р. Штайнмец) и российских специалистов (А.Р. Аклаев, Л.А. Баширов, В.Д. Михайлов, М.П. Мchedлов,